

Александр Грин

Белый шар

Александр Грин

Белый шар

«Public Domain»

1924

Грин А. С.

Белый шар / А. С. Грин — «Public Domain», 1924

Герою помогает... шаровая молния.

Александр Степанович Грин

Белый шар

Первый удар грома был оглушительен и резок, как взрыв.

Разговор оборвался. Сантус, сохраняя запальчивое выражение лица, с каким только что перешел к угрозам, сжал рукой свою длинную бороду и посмотрел на расстроенного Кадузара так, как будто гром вполне выражал его настроение, – даже подкреплял последние слова Сантуса, разразившись одновременно. Эти последние слова были:

– Более – ни одного дня!

Кадузар мог бы сравнить их с молнией. Но ему было не до сравнений. Срок взноса арендной платы минул месяц назад, между тем дожди затопили весь урожай. И у него не было никакого денежного запаса.

Как всегда, если один человек сказал что-нибудь непреложно, а другой потерял надежду найти сколько-нибудь трезвое возражение, длится еще некоторое время молчаливый взаимный разговор на ту же тему.

«Злобное, тупое животное! – подумал Кадузар. – Как мог я заставлять себя думать, думать насильно, что такой живодер способен улыбнуться по-человечески».

«Жалкий пес! – думал Сантус. – Ты должен знать, что меня просить бесполезно. Мне нет дела до того, есть у тебя деньги или нет. Отдай мое. Плати аренду и ступай вон, иначе я выселю тебя на точном основании статей закона».

Второй удар грома охватил небо и отозвался в оконном стекле мгновенным жалобным звоном. Волнистые стены туч плыли стоймя над лесом, иногда опуская к земле свитки тумана, цепляющиеся за кусты, подобно клубам дыма паровозной трубы. Налетел хаос грозы. Уже перелетели с края на край мрачных бездн огненные росчерки невидимого пера, потрясая искаженным светом мигающее огромное пространство. Вверху все слилось в мрак. Низы дышали еще некоторое время синеватыми просветами, но и это исчезло; наступила ночь среди дня. Затем этот хлещущий потоками воды мрак подвергся бесчисленным, непрерывным, режущим глаза падениям неистовых молний, разбегающихся среди небесных стремнин зигзагами адских стрижей, среди умопомрачительного грохота, способного, казалось, вызвать землетрясение. В комнате было то темно, то светло, как от пожара, причем эта смена противоположных эффектов происходила с быстротой стука часов. Кадузару казалось, что Сантус скачет на своем стуле.

– Серьезное дело! – сказал он, беря шляпу. – Закройте окно.

– Зачем? – холодно отозвался Сантус.

– Это гроза не шуточная. Опасно в такой час сидеть с раскрытым окном.

– Ну, что же, – возразил Сантус, – если меня убьет, то, как вы знаете, после меня не остается наследников. Ваш долг исчезнет, как дым.

Вексель все еще лежал на столе, и Кадузар резонно подумал, что здесь наследники ни при чем. Действительно, порази Сантуса гром, ничего не стоило бы расправиться с этим клочком бумаги. Просто Сантус подсмеивался.

– Я не понимаю вас, – сказал Кадузар и сделал шаг к двери. – Мне не до шуток. Прощайте.

– Оставайтесь, – сказал Сантус, – хотя ваш дом близко, но в такую погоду вы подвергаетесь серьезной опасности.

– Пропадет долг? – язвительно спросил Кадузар.

– Совершенно верно. А я не люблю терять своих денег.

– В таком случае я доставлю вам несколько неприятных минут, – Кадузар открыл дверь. – Пусть я промокну, как собака, но под защитой вашего крова оставаться я не хочу.

Он замер. Небольшой светящийся шар, скатанный как бы из прозрачного снега, в едва уловимом дыме электрической эманации, вошел в комнату – мимо лица Кадузара. Его волосы

трещали и поднялись дыбом прежде, чем ужас запустил зубы в его сердце. Шар плавно пронесся в воздухе, замедлил движение и остановился над плечом Сантуса, как бы рассматривая человека в упор, не зная еще, что сделать, – спалить его или поиграть.

Сантус не шевелился так же, как не шевелился и Кадудар: оба не имели сил даже перевести дух, внимали движению таинственного шара с чувством конца. В комнате произошло нечто непостижимое. За дверцей буфета начало звенеть, как если бы там возилась человеческая рука. Дверной крючок поднялся и опустился. Занавеска взвилась вверх, трепеща, как от ветра; неясный, мучнистый свет разлился по всем углам. В это время шар был у ног Сантуса, крутясь и передвигаясь, как солнечное пятно колеблемой за окном листвы. Он двигался с неторопливостью сытой кошки, трущейся о хозяина. Вне себя, Сантус двинул рукой, чтобы убрать стоявшее возле него ружье, но, как бы поняв его мысль, шар перекатился меж ног и занял сторожевую позицию почти у приклада.

– Кадудар, – сказал дико и тихо Сантус, – уберите ружье!

Должник помедлил не более трех биений сердца, но все же имел силу помедлить, в то время как для Сантуса эта пауза была равна вечности.

– Отсрочка, – сказал Кадудар.

– Хорошо. Полгода. Скорей!

– Год.

– Я не спорю. Бросьте ружье в окно.

Тогда, не упуская из вида малейшего движения шаровидной молнии, описывающей вокруг ног Сантуса медленные круги, все более приближающие ее к магнетическому ружью, Кадудар, весь трясаясь, перешел комнату и бросил ружье в окно. В это время он почувствовал себя так, как если бы дышал огнем. Его правая рука, мгновенно, но крепко схватив со стела вексель, нанесла ему непоправимые повреждения.

Казалось, с удалением предмета, способного вызвать взрыв, шар погрузился в разочарование. Его движение изменилось. Оставив ноги Сантуса, он поднялся, прошел над столом, заставив плясать перья, и ринулся в окно. Прошло не более вдоха, как из-под ближайшего холма раздался рванувший по стеклам и ушам гром, подобный удару по голове. Молния разорвалась в дубе.

Встав, Сантус принужден был опереться о стол. Не лучше чувствовал себя и Кадудар.

– Все? – спросил Сантус. – Вы довольны?

– Дайте вексельный бланк, – спокойно ответил Кадудар, – я – не грабитель. Я перепишу наш счет на сегодняшнее число будущего года. Таким образом, вы сохраняете и деньги и жизнь!